Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 147–155
Lomonosov Philology Journal, 2026, no. 5, pp. 147–155

«СО СТВОЛАМИ СИНИМИ, КАК ОТТЕНОК ИНДИГО»: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОНИРИЧЕСКОГО ПЕЙЗАЖА В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ «ЖЕМЧУЖИНА»

А.Л. Королева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; red.coral.reef@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу пейзажа из видения героя среднеанглийской поэмы «Жемчужина». Данный пейзаж включает множество интересных особенностей, таких как серебряные листья деревьев, дно реки, устланное драгоценностями, и пр. Отмечается, что если некоторые из этих элементов можно связать с другими эпизодами поэмы или с существующими традициями, то синие стволы деревьев являются неожиданной деталью. В статье предпринимается попытка ответить на вопрос, чем мотивирован выбор такого образа. С этой целью анализируется употребление лексем, использованных для описания цвета стволов, а именно, “ynde” (индиго) и “blwe” (синий/голубой). Проведенный анализ позволяет сделать некоторые предположения. Во-первых, употребление лексемы “ynde”, которая в среднеанглийском могла означать как индиго, так и Индию, по всей видимости, должно было вызывать ассоциацию с заглавным образом поэмы — жемчужиной, так как индийские жемчужины считались наиболее ценными. Данная мысль подтверждается тем, что Восток в поэме упоминается в связи с драгоценностью несколько раз, в том числе — в той же строфе, в которой описываются деревья. Лексема “ynde” также употребляется непосредственно перед описанием жемчужных ворот Небесного Иерусалима, что усиливает ассоциативную связь с жемчужиной — героиней поэмы. С другой стороны, у средневекового читателя синий цвет должен был вызывать ассоциацию с Девой Марией. На важность этой связи в контексте поэмы, в частности, могут косвенно указывать случаи употребления лексемы “blwe”. В статье делается вывод, что синий цвет деревьев, вероятно, должен был подчеркивать ассоциацию между жемчужиной и Девой Марией, а также на образном уровне отражать проблематику поэмы.

Ключевые слова: средневековая литература; аллегорическая поэзия; «Жемчужина»; видение; пейзаж; синий цвет

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-12

© Королева А.Л., 2026

Для цитирования: *Королева А.Л.* «Со стволами синими, как оттенок индиго»: о некоторых особенностях онирического пейзажа в среднеанглийской поэме «Жемчужина» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 147–155.

"WITH THE TRUNKS AS BLUE AS THE COLOR OF INDIGO": ON SOME FEATURES OF THE VISION LANDSCAPE IN THE MIDDLE ENGLISH POEM "PEARL"

Alla L. Koroleva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; red.coral.reef@mail.ru

Abstract: The article analyzes the vision landscape from the Middle English poem "Pearl". The vision landscape is an interesting research material, since it has a number of unusual features, such as trees with silver leaves, and a river, whose bottom is covered with precious gems. Some of the said features can be either connected to other episodes of the poem or attributed to existing traditions. However, the most unusual part of the landscape is its trees with blue trunks. The article attempts to find the motivation behind this choice. In order to do so, two lexemes have been analyzed that were used in the description: "ynde" and "blwe". The assumption has been made that the use of the word "ynde" could be motivated by the association with the Pearl herself, since "ynde" could mean both the color indigo and India, and it was believed that the best pearls came from there. The association with the Pearl is reinforced, when the word occurs for the second time in the description of Jerusalem, before the mentioning of its gates made of pearls. At the same time, the blue color had a strong connection to Virgin Mary, and this link is supported by the contexts, in which the word "blwe" is used. It has been concluded that the color blue in the landscape was supposed to underline the connection between Pearl and Virgin Mary and reflect some of the important ideas of the poem.

Keywords: mediaeval literature; allegorical poetry; "Pearl"; vision; landscape; color blue

For citation: Koroleva A.L. (2026) "With the Trunks as Blue as the Color of Indigo": On Some Features of the Vision Landscape in the Middle English Poem "Pearl". *Lomonosov Philology Journal,* no. 5, pp. 147–155.

Среднеанглийская поэма «Жемчужина» представляет собой интереснейший пример позднесредневековой аллегорической литературы. Анонимный автор от первого лица описывает утрату — потерю драгоценной жемчужины, за которой следует видение и встреча с «жемчужиной» в облике прекрасной девушки. И хотя поэма подвергалась разным интерпретациям, часть из которых идут вразрез с общепринятым взглядом [Hillman 1961: 82–83], а споры о ней ведутся уже больше века [Osgood 1906: xxviii-xxxvii; Schofield

1909: 82–83; Bishop 1968: 15], большинство исследователей согласны, что «жемчужина» — умершая в детстве дочь повествователя. На это намекают слова о том, что она была дорога ему «больше, чем тетя или племянница» (“Ho watȝ me nerre þen aunte or nece” [Pearl 1921: 22]), а также упоминание, что она умерла, не дожив до двух лет. Теперь девушка несет утешение скорбящему герою, рассказывая ему о своей загробной жизни среди других невинных душ.

Перед глазами повествователя проходят поочередно три пространства. Отправной точкой пути служит прекрасный сад, сочетающий черты locus amoenus и реминисценции из «Романа о Розе» [Pearl 1921: 119] с образом места скорби, утраты драгоценной жемчужины. Но когда герой засыпает, кажется, что пейзаж «удваивается» — дух рассказчика оказывается перенесен из прекрасного сада на берег реки. При этом разницу между двумя пространствами сложно не заметить — на смену вполне «реалистичному» пейзажу приходит потусторонний образ пространства с холмами из горного хрусталя, рекой с дном, устланным драгоценными камнями, и деревьями со стволами цвета индиго. Именно здесь герой встречает деву-жемчужину; здесь же разворачивается разговор между ними, занимающий центральное положение в поэме. Наконец, видение героя венчает Небесный Иерусалим, описание которого напрямую отсылает к тексту Апокалипсиса. Не в силах справиться со своими чувствами, рассказчик пытается перепрыгнуть поток, отделяющий его от небесного города и от девы-жемчужины, но такой дерзостный порыв заканчивается возвращением к началу — пробуждением в саду.

О символике и особенностях этих пространств написано немало. Так, статья Дж. Финлейсона «“Жемчужина”: пейзаж и видение» задает важный вектор соотнесения пространств и их описаний с состоянием и восприятием повествователя, этапами его духовного пути. Сменяющиеся образы показывают переход от природного к небесному, смысл которого рассказчик не может осознать в момент видения, что, в частности, соотносится с эмоционально отстраненным и скупым в художественном плане описанием Иерусалима [Finlayson 1974]. В похожем ключе предлагает трактовать пространственный мир поэмы и Э. Петрофф, отмечая, в частности, отсутствие в первом, «земном» пейзаже типичного для locus amoenus образа воды, что в символическом смысле соотносится с состоянием уныния, в котором находится рассказчик [Petroff 1981: 186]. Анализ образа Небесного Иерусалима представлен в статьях Р. Филд «Небесный Иерусалим в поэме “Жемчужина”» и С. Стэнбери «Тело и город в поэме “Жемчужина”». Как и Финлейсон, Р. Филд отмечает меньшую художественную выразительность в описании Иерусалима, но со-

относит ее с намеренным приемом ретардации; в статье также рассматривается ряд образов, связанных с описанием Иерусалима, скажем, подробному анализу подвергается описание раны Агнца [Field 1986]. В свою очередь, С. Стэнбери демонстрирует, как на образном уровне дева-жемчужина соотносится с Иерусалимом [Stanbury 1994].

Наше внимание, однако, особенно привлек второй, онирический пейзаж, хотя, как станет ясно далее, его анализ потребует обращения и к другим пространствам поэмы. Онирический пейзаж сразу выделяется своей необычностью, особенно по сравнению с предыдущим. Упоминание драгоценных камней, в том числе жемчуга, несомненно, встраивается в ряд ассоциаций вокруг заглавного образа поэмы. Однако можно предположить, что значение данного пространства и отдельных элементов этим не исчерпывается.

Первый вопрос, который возникает при чтении описания пейзажа, — почему он выглядит именно так? Если первый пейзаж отсылает к традиционному locus amoenus и саду из «Романа о Розе», то что должен означать более непривычный онирический пейзаж?

Во-первых, не будем забывать, что если первый пейзаж находился в пространстве земном, то второй представляет собой место, куда во сне переносится дух повествователя. Его необычные свойства связаны с традициями изображения потустороннего мира. Как показывает анализ корпуса видений, приведенный Жаком Ле Гоффом в книге «Средневековый мир воображаемого», необыкновенная, сказочная роскошь часто является атрибутом потусторонних пространств, в которые попадают переживающие опыт видений [Ле Гофф 2001: 143–144]. Впрочем, изобилие драгоценностей, «включенных» в пейзаж, отнюдь не является исключительно характеристикой пространств, предстающих в видениях, но и пространств иного мира в целом — скажем, герой среднеанглийского лэ «Сэр Орфео» видит замок из золота и драгоценных камней, который окружает стена из хрусталя. Интересные замечания и параллели изучаемому пейзажу приводит П.М. Кин в книге «Жемчужина: интерпретация». Исследовательница вполне обоснованно считает, что герой поэмы находится на подступах к Земному Раю — о чем свидетельствуют, в том числе, его собственные слова: «Forþy I þoȝt þat Paradyse // Watȝ þer o[u]er gayn þo bonkeȝ brade» [Pearl 1921: 14] — «Я подумал, что наверняка Рай лежит за этими широкими берегами». Она также проводит параллель с подобными путешествиями, во многих из них также фигурируют пейзажи, включающие драгоценные камни и металлы, — мы видим это в романах об Александре, и в «Путешествиях сэра Джона Мандевилля», и даже — здесь, разумеется, речь

уже о типологическом сходстве — в эпосе о Гильгамеше [Kean 1967: 98–99].

Таким образом, онирический пейзаж «Жемчужины» не является абсолютно уникальным — он связан с традиционными представлениями о потустороннем мире. Присмотримся, однако, повнимательнее к некоторым его элементам.

Драгоценные камни, помимо своей функции элемента потустороннего пейзажа, несомненно предвосхищают описание Иерусалима — достаточно сказать, что практически все упомянутые камни (за исключением горного хрусталя) фигурируют в обоих эпизодах. Так, берилл, изумруд и сапфир составляют основания города, а жемчужины служат воротами. Таким образом, в изображении Земного Рая уже проступает обещание Рая Небесного. История человечества умещается в перемещении — даже не героя, поскольку путь в Иерусалим для него закрыт, — но его взгляда.

Кроме камней в тексте упоминаются драгоценные металлы, но, что любопытно, они не составляют части пейзажа — с ними сравниваются те или иные его элементы (“As bornyst syluer þe lef onslydeȝ” [Pearl 1921: 84] — «похожие на полированное серебро, покачивались листья»; “As fyldor fyn her b[o]nkes brent” [Pearl 1921: 10] — «как полосы чистого золота, сияли берега»). Очевидно, эти образы призваны усилить ощущение нездешней красоты пейзажа, то впечатление, которое он производит на повествователя. Впрочем, упоминание золота может быть еще одним «предвосхищением» Иерусалима с его золотыми улицами.

Наконец, обратим внимание на еще одну крайне любопытную подробность: о деревьях говорится, что они были «со стволами синими, как оттенок индиго / индийский оттенок» — “Of bolleȝ as blwe as ble of ynde” [Pearl 1921: 8]. Пожалуй, перед нами самый загадочный элемент, поскольку он, как кажется, не связан ни с какой традицией, не усиливает ощущение богатства или красоты, в основном передающееся в эпизоде через образы сияния и света: сверкающие камни, «по сравнению с которыми солнце кажется блеклым» (“Þe sunnebemeȝ bot blo & blynde // In respecte of þat adubbement” [Pearl 1921: 84]), блеск золота, серебра и стекла, с которыми сравниваются те или иные элементы пейзажа, огонь, с которым сравнивается окрас птиц (“Fowleȝ <…> // Of flaumbande hweȝ” [Pearl 1921: 10] — «Птицы <…> // Огненных оттенков»). Синие стволы не только вызывают удивление с точки зрения здравого смысла, но и выпадают из этого ряда образов сияния и света.

Для того, чтобы попытаться ответить на вопрос об истоках и значении этого образа, присмотримся внимательнее к лексемам, употребленным для описания цвета. Слово “ynde” могло означать

в среднеанглийском как цвет индиго, так и Индию — хотя под этим словом, как правило, подразумевали обширную территорию, включающую часть Китая [Middle English Dictionary 2000–2018]. Упоминание Индии в контексте поэмы сразу вызывает одну важную ассоциацию, а именно — ассоциацию с потерянной жемчужиной. Восточный жемчуг, в частности «индийский», считался наиболее ценным; образ восточных жемчужин возникает уже в третьей строке поэмы, а также — в той же строфе, где говорится о синих стволах. «Индийский синий», таким образом, оказывается связан с жемчужиной через ассоциацию с Востоком.

При этом слово "ynde" возникает в поэме всего два раза — в описании деревьев и в описании оснований Иерусалима. Так, о последнем основании города говорится, что оно сделано из «аметиста [цвета] фиолетового, смешанного с индиго» ("Þe amatyst purpre wyth ynde blente" [Pearl 1921: 86]). В этом эпизоде также можно проследить определенную связь с жемчужиной — последнее основание города ведет к его стенам, а также, в конечном счете — к воротам, сделанным из жемчуга. Таким образом, цвет индиго снова оказывается связан с жемчугом, и на основании таких смысловых связей можно сказать, что он является в поэме еще одним (после белого) цветом девы-жемчужины.

К позднему Средневековью синий цвет стал не только восприниматься многими авторами как «самый прекрасный и благородный», но и обрел важную ассоциацию: синий стал цветом Девы Марии [Пастуро 2017: 48]. В этом контексте представляется интересным обратить внимание на употребление в поэме второго и более привычного для английского языка названия цвета — "blwe". Кроме приведенной выше цитаты, эта лексема встречается в тексте дважды. Один раз это происходит практически в прямой связи с Девой Марией — повествователь изумленно спрашивает, не стала ли дева-жемчужина «королевой синих небес» ("quene of heuenez blwe" [Pearl 1921: 38]), ведь он всегда знал, что никто не может сравняться с Богоматерью, которую «называют арабским фениксом» — "We calle hyr Fenyx of Arraby" [Pearl 1921: 38] (запомним это замечание). Еще один раз синий цвет возникает в первом пейзаже, где говорится, что цветы, увиденные повествователем, были белыми, красными и синими. Такой выбор цвета в контексте написанного выше кажется неслучайным: сочетание синего и красного также связано на символическом уровне с Девой Марией, в то время как белый — цвет самой жемчужины. Сравнение Девы Марии с фениксом тоже весьма интересно: дело в том, что средневековые ученые считали, что этимологически слово «феникс» означает «единственный, единый» [Исидор Севильский 2021: 311]. В то же время одним из слов для

обозначения жемчужины (в частности, скатного жемчуга) было unio — единая, единственная, поскольку существовало представление, что в ракушке может быть только одна жемчужина [Марбод Реннский 2000: 53].

Хотя мы не претендуем на то, чтобы однозначно утверждать, будто жемчужина, кроме всего прочего, является аллегорией Девы Марии, образная система поэмы выстраивает связь между ними, подготавливая почву для рассуждения о сложных соотношениях между «Королевой Куртуазии», как называют Марию в поэме, и «маленькой королевой»-жемчужиной, или невинной душой вообще: синий цвет отсылает к Деве Марии, при этом использование слова “ynde” невольно вызывает ассоциацию с самой жемчужиной через связь с Востоком.

Таким образом, онирический пейзаж в поэме не только создает у читателя ощущение нереальности и особенной, нездешней красоты, но и подготавливает явление Иерусалима, а также и самой девы-жемчужины. И драгоценные камни и металлы, и деревья с синими стволами встраиваются в сложную систему образов, концентрирующуюся вокруг жемчужины и ее различных атрибутов и характеристик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Валафрид Страбон*. Садик. *Вандальберт Прюмский*. О названиях, знаках зодиака, культурах и климатических свойствах двенадцати месяцев. *Марбод Реннский*. Лапидарий /Изд. подготовил Ю.Ф. Шульц. М., 2000.
2. *Исидор Севильский*. Этимологии. Книга XII: О животных /Пер. и ком. А. Гараджа // Платоновские исследования. 2021. № 15.2. С. 241–330.
3. *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого /Пер. с фр., общ. ред. С.К. Цатуровой. М., 2001.
4. *Пастуро М.* Синий. История цвета /Пер. с фр. Н. Кулиш. М, 2017.
5. *Bishop I.* Pearl in its Setting: a Critical Study of the Structure and Meaning of the Middle English Poem. Oxford, 1986.
6. *Field R.* The Heavenly Jerusalem in Pearl // The Modern Language Review. 1986. Vol. 81, no. 1. P. 7–17.
7. *Finlayson J.* “Pearl”: Landscape and Vision // Studies in Philology. 1974. Vol. 71, no. 3. P. 314–343.
8. *Kean P. M.* The Pearl: An Interpretation. London, 1967.
9. Middle English Dictionary /Ed. Robert E. Lewis, et al. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1952-2001. Online edition in Middle English Compendium /Ed. Frances McSparran, et al. Ann Arbor, 2000-2018. [Online]. URL: https://clck.ru/3SHcME (accessed: 25.02.2026).
10. Pearl, an English Poem of the XIVth century /Ed. with modern rendering, together with Boccaccio’s Olympia by Sir I. Pearl. London, 1921.
11. *Petroff E.* Landscape in “Pearl”: The Transformation of Nature // The Chaucer Review. 1981. Vol. 16, no. 2. P. 181–193.
12. *Schofield W.H.* Symbolism, Allegory, and Autobiography in the Pearl // PMLA. 1909. Vol. 24, no. 4. P. 585-675.

13. *Stanbury S.* The Body and the City in Pearl // Representations. 1994. no.48. P. 30-47.
14. The Pearl, a Middle English Poem /Ed. by Charles G. Osgood, Jr. Boston; London, 1906.
15. The pearl: Mediaeval text /With a literal transl. and interpretation by sister Mary Vincent Hillmann. Convent Station (New Jersey), 1961.

REFERENCES

1. Walafrid Strabon. Sadik [Garden]. Wandalbert of Prüm. O nazvaniyah, znakah zodiaka, kul'turah i klimaticheskih svojstvah dvenadcati mesyacev [On the names, signs, times of planting, and qualities of weather of the twelve months]. Marbodius of Rennes. Lapidarij [Lapidary] /Ed. by Yu. F. Shul'c. Moscow, *Nauka Publ.*, 2000. 170 p. (In Russ.).
2. Isidore of Seville. Etimologii. Kniga XII: O zhivotnyh [Etymologies. Book XII: on animals] /Transl. and commentaries by A. Garadzha. Platonovskie issledovaniya [Platonic Investigations], 2021, no. 15.2. P. 241–330. (In Russ.).
3. Le Goff J. Srednevekovyj mir voobrazhaemogo [Medieval Imaginary] /Transl. from French and edited by S.K. Caturovoj. Moscow, *Izd. gruppa Progress Publ.*, 2001. 440 p. (In Russ.).
4. Pastoureau M. Sinij. Istoriya cveta [Blue. The History of a Color] /Transl. from French by N. Kulish. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2017. 144 p. (In Russ.).
5. Bishop I. Pearl in its Setting: a Critical Study of the Structure and Meaning of the Middle English Poem. Oxford, *Basil Blackwell*, 1986. 151 p.
6. Field R. The Heavenly Jerusalem in Pearl. *The Modern Language Review*, 1986, vol 81, no. 1, pp. 7–17.
7. Finlayson J. "Pearl": Landscape and Vision. *Studies in Philology*, 1974, vol. 71, no. 3, pp. 314–343.
8. Kean P. M. The Pearl: An Interpretation. London, *Routledge & Paul*, 1967. 246 p.
9. Middle English Dictionary /Ed. Robert E. Lewis, et al. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1952–2001. Online edition in Middle English Compendium /Ed. Frances McSparran, et al. Ann Arbor, *University of Michigan Library*, 2000-2018. [Online]. URL: https://clck.ru/3SHcME (accessed: 25.02.2026).
10. Pearl, an English Poem of the XIVth century /Ed. with modern rendering, together with Boccaccio's Olympia by Sir I. Pearl. London, *Humphrey Milford, Oxford U.P.*, 1921. 285 p.
11. Petroff E. Landscape in "Pearl": The Transformation of Nature. *The Chaucer Review*, 1981, vol. 16, no. 2, pp. 181–193.
12. Schofield W.H. Symbolism, Allegory, and Autobiography in the Pearl. *PMLA*, 1909, vol. 24, no. 4, pp. 585–675.
13. Stanbury S. The Body and the City in Pearl. *Representations*, 1994, no. 48, pp. 30–47.
14. The Pearl, a Middle English Poem /Ed. by Charles G. Osgood, Jr., Boston, London, *D.C. Heath and Co.*, 1906. 202 p.
15. The pearl: Mediaeval text. With a literal transl. and interpretation by sister Mary Vincent Hillmann, Convent Station (New Jersey), *College of Saint Elizabeth press*, 1961, 175 p.

Поступила в редакцию 10.03.2026
Принята к публикации 16.06.2026
Отредактирована 01.08.2026

Received 10.03.2026
Accepted 16.06.2026
Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Алла Львовна Королева — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; red.coral.reef@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alla L. Koroleva — PhD student, Department of History of Foreign Literatures, Lomonosov Moscow State University; red.coral.reef@mail.ru